

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АННЕНКОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 31475/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

25 июля 2017 года

Вступило в силу
25 октября 2017 г.

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Анненков и другие против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Бранко Лубарда,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Георгиос А. Сергидес,

Йолин Схюккинг, *судьи*,

и Фатош Араджы, *Заместитель Секретаря Секции*,

проведя 4 июля 2017 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 31475/10), поданной 2 мая 2010 года против Российской Федерации в Европейский Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») четырнадцатью гражданами Российской Федерации, проживающими в городе Воронеже или Воронежской области (далее – «заявители») (см. прилагаемый список).

2. Интересы заявителей представляла Ольга Анатольевна Гнездилова, адвокат, практикующий в городе Воронеже. Интересы Властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. Заявители утверждали, в частности, что их право на свободу мирных собраний было нарушено, и что некоторые из них стали жертвами чрезмерного применения силы милицией.

4. 30 августа 2012 года жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители имели бизнес на воронежском муниципальном рынке и арендовали места на рынке для ведения своего бизнеса либо работали продавцами в этом бизнесе.

6. В августе 2017 года право собственности на земельный участок, на котором был расположен рынок, было передано городом муниципальному предприятию, а впоследствии - частной компании, которая намеревалась снести рынок и построить на его месте торговый центр. По-видимому, в 2008 и 2009 годах шли судебные процессы между прокуратурой и муниципальным предприятием в отношении земли, о которой идет речь.

7. Не согласившись с таким развитием дел, которое оказало бы неблагоприятное влияние на их бизнес и занятость, заявители и некоторые другие люди (всего несколько десятков человек) решили постоянно находиться в помещениях рынка, организовав «ночные дежурства».

8. По информации заявителей, в неуставленную дату, действуя определенным образом, предприниматели уведомили городскую администрацию о своем намерении «постоянно проводить ночные дежурства на рынке до тех пор, пока не [будут] урегулированы вопросы, относящиеся к законности передачи земли и сносу рынка». В неуставленную дату они начали свои «ночные дежурства».

А События 7 августа 2009 года и последующее судебное разбирательство

9. 6 августа 2009 года милиция приказала собравшимся на рынке предпринимателям покинуть помещения. Некоторые отказались повиноваться в отсутствие какого-либо судебного приказа и утверждали, что на основании своих действующих договоров имеют право оставаться на рынке.

10. 7 августа 2009 года некоторые из заявителей (М.Г.Анненков, И.А.Хрипунов, Н.В.Хаванцев, М.В. Финский, Е.В.Супрунова, О.М.Захарова и Е.В.Гусева) были арестованы (см. также пункты 41-51 ниже).

1. Административное производство в отношении М.В.Финского, Н.В.Хаванцева и И.А.Хрипунова

11. Этим заявителям было предъявлено обвинение на основании статьи 19.3 Кодекса административных правонарушений Российской

Федерации (далее - «КОАП РФ»), которая устанавливает наказание за неповиновение или сопротивление законному распоряжению должностного лица (см. пункт 61 ниже). Заявители, которым в ходе заседания суда первой инстанции оказывалась помощь со стороны адвоката, не признали свою вину и отрицали факт неповиновения или сопротивления каким-либо конкретным законным распоряжениям милиции или иное нарушение общественного порядка либо угрозу общественной безопасности.

12. Постановлением мирового судьи от 7 августа 2009 года М.В.Финский был осужден за совершение данного правонарушения и приговорен к административному аресту сроком на пять суток. Суд постановил следующее:

«[Ответчик] нарушил процедуру организации и проведения собрания; он оказал неповиновение законному распоряжению сотрудников правоохранительных органов в связи с обязанностями последних по обеспечению общественного порядка и безопасности, он также препятствовал им в исполнении вышеуказанных обязанностей ...»

Виновность [заявителя] подтверждается следующими документами: протоколом о совершении административного правонарушения, жалобой и письменными заявлениями директора рынка, письменными докладами сотрудников правоохранительных органов, а также показаниями свидетелей ...»

13. В тот же самый день И.А.Хрипунов был приговорен к административному аресту сроком на пять суток. Суд постановил следующее:

«[Ответчик] нарушил процедуру организации и проведения собрания; он оказал неповиновение законному распоряжению сотрудников правоохранительных органов в связи с обязанностями последних по обеспечению общественного порядка и безопасности, он также препятствовал им в исполнении вышеуказанных обязанностей ...»

Свидетель Н. в суде показал следующее: «7 августа 2009 года группа предпринимателей дежурили ночью, чтобы предотвратить снос здания рынка. Неожиданно прибыли сотрудники правоохранительных органов и начали хватать людей и отводить их в отделение милиции. [Ответчика] тоже схватила милиция; во время этого он не оказывал никакого сопротивления ...»

Суд занимает критическую позицию в отношении показаний данного свидетеля, который является знакомым и коллегой [ответчика], так как его показания опровергаются совокупностью других показаний, а именно письменными докладами сотрудников правоохранительных органов, находившимися при исполнении ...»

14. Еще одно постановление, очевидно, с аналогичными формулировками, было вынесено в отношении Н.В.Хаванцева, который был приговорен к [административному] аресту сроком на десять дней.

15. Согласно требованиям КОАП РФ, заявители начали отбывать свои сроки административного ареста немедленно после вынесения судебных постановлений по их делам.

16. Одновременно заявители подали апелляции в Советский районный суд города Воронежа (далее - «районный суд»). И.А.Хрипунов утверждал, что суд первой инстанции не произвел полную оценку показаний очевидцев. Он и М.В.Финский, *inter alia*, утверждали, что они принимали участие в «собрании», а Закон о публичных мероприятиях не требует направлять предварительное уведомление в компетентные государственные органы в отношении такого рода мероприятия (см. пункт 66 ниже). Кроме того, в нарушение этого закона, ни им, ни другим предпринимателям не было направлено никаких требований о прекращении противоправных действий, а наказание в виде административного ареста было несоразмерным.

17. М.В.Финский в суде апелляционной инстанции утверждал, что присутствовал в помещении рынка рано утром 7 августа 2009 года, поскольку он «выполнял свою обязанность». Услышав какой-то шум, он вышел из здания и увидел, как арестовывали других предпринимателей; он начал снимать происходящее на видеокамеру, но ему приказали стереть видеозапись и арестовали его.

18. Суд апелляционной инстанции рассмотрел письменные показания М. - нового генерального директора рынка. Он приехал на рынок, но не мог попасть внутрь офисного здания, потому что проход был перекрыт несколькими заявителями, которые держались за руки. После того, как он обратился за помощью к милиции, сотрудники правоохранительных органов приказали предпринимателям прекратить их действия. Предприниматели, включая М.В.Финского, не подчинились этому распоряжению.

19. Суд апелляционной инстанции также рассмотрели письменные показания Б., Ма. и Л., которые дали следующие показания. Проходя рано утром 7 августа 2009 года, они увидели группу, состоящую примерно из пятидесяти человек. Эти люди выкрикивали лозунги и призывали к увольнению сотрудников городской и областной администрации, а также призывали к нарушению общественного порядка. Милиция просила их прекратить [эти действия], но они не подчинились данному распоряжению. Потом сотрудники правоохранительных органов повторили свое предупреждение, обращаясь к самому активному из участников. Поскольку последний не подчинился, его посадили в милицейскую машину. Когда его вели к машине, он хватал сотрудников правоохранительных органов за мундиры и пытался убежать.

20. Сотрудники правоохранительных органов С., И. и Ф. представили письменные рапорты, сформулированные следующим

образом. 6 августа 2009 года, увидев, что какие-то люди заблокировали вход в офисное здание, они приказали присутствующим людям разойтись. То же произошло и 7 августа 2009 года. Подойдя к одному из самых активных участников - М.В.Финскому, - они приказали ему прекратить свои действия. После того, как он отказался, они отвезли его в отделение милиции.

21. Суд апелляционной инстанции заслушал Д., которая заявила, что М.В.Финский пытался снять происходящие события, когда его уводила милиция; он не оказывал никакого сопротивления.

22. 13 августа 2009 г. районный суд оставил постановление в отношении М.В.Финского без изменения, указав следующее:

«Суд не имеет оснований ставить под сомнения показания сотрудников правоохранительных органов Л., Б. и Ма., потому что они ранее не были знакомы с ответчиком или с другими предпринимателями и не имеют причин для дачи показаний против него ... Суд отклоняет довод о том, что Л., Б. и Ма. не могли быть очевидцами, поскольку рынок был окружен стеной. Их показания указывают на то, что они успешно прошли через рынок.... Суд отклоняет довод о том, что милиция действовала незаконным образом в отношении присутствия предпринимателей на собрании, требовавшем предварительного согласования. Материалы дела и показания указывают на то, что милиция действовала законным образом с целью обеспечения правопорядка и общественной безопасности, поскольку предприниматели блокировали доступ на рынок для сотрудников и не реагировали на законные распоряжения милиции прекратить эти действия..... Суд занимает критическую позицию в отношении показаний Д., которая пыталась помочь своему коллеге избежать ответственности за совершение правонарушения, поскольку его показания опровергаются другими доказательствами...»

23. В решении от 13 августа 2009 года в отношении И.А.Хрипунова районный суд постановил:

«Свидетель П. в суде апелляционной инстанции показал, что «7 августа 2009 года....на рынок прибыли люди в штатском и милиция и по указанию начальника Советского отделения милиции начали арестовывать предпринимателей без объяснения причины таких арестов. [Ответчика] тоже арестовали, хотя он не оказывал никакого сопротивления или неповиновения каким-либо конкретным приказам ...»

Тот факт, что [ответчик] совершил правонарушение, подтверждается

...протоколом об административном правонарушении, в котором указано, что «после нарушения им порядка организации и проведения публичных мероприятий при аресте он не подчинился законному требованию сотрудника правоохранительных органов, хватал его за форму и пытался скрыться....»;

– письменными показаниями [трех прохожих,] которые, проходя в месте, где располагался рынок, увидели около пятидесяти человек, скандирующих лозунги и призывавших к отставке мэра и губернатора, а также к нарушению общественного порядка. На распоряжения милиции прекратить то, что они делали, предприниматели ответили отказом; после этого сотрудники правоохранительных органов подошли к [ответчику], который, по-видимому, проявлял наибольшую активность, и вновь приказали ему прекратить свои

действия, но он не отреагировал на приказ. Когда его сажали в милицейскую машину, он сопротивлялся и угрожал сотрудникам насилием и судебным преследованием;

– [письменными показаниями сотрудников, содержащими аналогичные формулировки]: ... Подойдя к одному из наиболее активных участников (впоследствии в нем узнали ответчика), они предупредили его об ответственности за совершение правонарушений, но он не отреагировал и отказался [остановиться]; затем Финский [sic] был таким образом арестован и доставлен в отделение милиции.

Суд отклоняет довод защиты о том, что [ответчик] законным образом участвовал в собрании, не требующем предварительного разрешения, поскольку действия милиции были законными и имели целью обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, так как предприниматели блокировали доступ в здание работающим на рынке ... Суд занимает критическую позицию в отношении показаний П. - коллеги ответчика, пытающегося помочь последнему, поскольку эти показания опровергаются другими доказательствами.»

24. Решение апелляционного суда с аналогичными формулировками было вынесено в отношении Н.В.Хаванцева.

25. После этого, узнав в конце сентября 2009 года, что судебные решения в отношении некоторых участников тех же самых событий были отменены в апелляционном порядке в сентябре 2009 года (см. пункт 27 ниже), 8 октября 2009 года М.В.Финский, Н.В.Хаванцев и И.А.Хрипунов подали ходатайства на основании статьи 30.12 КОАП РФ о пересмотре вступивших в силу постановлений в их отношении. 20 ноября 2009 года заместитель Председателя Воронежского городского суда оставил без изменения решения нижестоящих судов. В отношении каждого из ответчиков судья, осуществлявший пересмотр дела, заявил следующее:

«Я отклоняю довод защиты о том, что судьи нижестоящих судов не уточнили тип публичного мероприятия, в котором участвовал ответчик, соответствующие правила проведения таких публичных мероприятий и конкретную подробную информацию, касающуюся распоряжений милиции в отношении ответчика. Мировым судьей было установлено, что оспариваемое мероприятие представляло собой «собрание»....»

2. Другие заявители

26. Постановлением от 7 августа 2009 года ответчики по делу женского пола и М.Г.Анненков были оштрафованы.

27. 2, 8 и 10 сентября 2009 года районный суд отменил постановления в отношении заявителей женского пола и М.Г.Анненкова.

В отношении М.Г.Анненкова суд апелляционной инстанции постановил следующее:

«Ни протокол об административном правонарушении, ни постановление не содержат ссылок на конкретные обстоятельства или действия, имеющие

отношение к составу вменяемого в вину преступления (неповиновение законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов). В частности, ни в одном из двух документов не уточняется, какое именно распоряжение было дано ответчику, и какому именно распоряжению он не подчинился. Более того, в постановлении не указано, что ответчик не подчинился законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов».

В отношении Е.В.Гусевой суд апелляционной инстанции постановил следующее:

«В протоколе об административном правонарушении указано, что ответчик нарушила порядок организации и проведения демонстраций, митингов и собраний, и что во время ареста она не подчинялась законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов, отданному в связи с его деятельностью по обеспечению общественного порядка. В протоколе не уточняется, какого рода публичное мероприятие проводилось, какой вышеупомянутый порядок был нарушен или каким именно распоряжением в отношении обеспечения общественного порядка во время публичного мероприятия не подчинился ответчик.

В отношении Е.В.Супруновой суд апелляционной инстанции постановил следующее:

«В протоколе об административном правонарушении указано, что 7 августа 2009 года ответчик нарушила порядок организации и проведения демонстраций, митингов и собраний, [и что] во время ареста она не подчинялась законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов, хватала его за форму и пыталась скрыться... В протоколе не указано, какого рода публичное мероприятие проводилось, какой применимый порядок был предположительно нарушен ответчиком, какие распоряжения, относящиеся к поддержанию общественного порядка во время такого мероприятия, были отданы ответчику милицией, или какие распоряжения не были выполнены»

В отношении О.М.Захаровой суд апелляционной инстанции постановил следующее:

«Ни в протоколе об административном правонарушении, ни в постановлении суда первой инстанции нет ссылки на конкретные факты и действия, составляющие состав правонарушения, вменяемого в вину ответчику, а именно неподчинения законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов....или конкретным распоряжениям, отданным ей, которые она не выполнила. Более того, из этого не следует, что ответчик не подчинилась законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов. В протоколе не указано, как именно ответчик нарушала порядок организации и проведения демонстраций, митингов или собраний, а также не указано, какого рода мероприятие проводилось».

28. Суд апелляционной инстанции распорядился вернуть материалы дела соответствующему мировому судье. Впоследствии мировой судья вернул материалы в отделение милиции, очевидно для внесения изменений в документы и переоформления протоколов об административном правонарушении. Материалы не были повторно поданы на новое рассмотрение.

Б. События 10 августа 2009 года и последующее судебное разбирательство

29. В 05:30 10 августа 2009 года милиция арестовала около двадцати человек на рынке, в том числе некоторых заявителей - Г.Н.Бузова, А.А.Гаркавец, С.В.Журавлеву, М.Ю.Хаванцеву и Е.В.Супрунову.

1. Г.Н.Бузов

30. 10 августа 2009 года мировой судья рассмотрел дело Г.Н.Бузова. Суд заслушал Хр., которая показала, что группа людей мешала охранникам, когда последние пытались восстановить доступ в здание рынка. Потом приехала милиция и доставила некоторых людей в отделение милиции.

31. Как представляется, во время слушания заявитель, пользовавшийся помощью защитника, сначала добивался, чтобы некоторые другие свидетели и сотрудники правоохранительных органов были допрошены в открытом судебном заседании. Однако, по информации Властей, впоследствии он отказался от своего ходатайства.

32. Постановлением от 10 августа 2009 года Г.Н.Бузов был признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 19.3 КОАП РФ, и приговорен к 10 дням административного ареста. Мировой судья пришел к следующему выводу:

«[Ответчик] оказывал неповиновение сотрудникам правоохранительных органов и не выполнял законные распоряжения о прекращении нарушения общественного порядка ...

Виновность ответчика подтверждается: протоколами об административном правонарушении, рапортами сотрудников правоохранительных органов и письменными показаниями свидетелей....»

33. По информации Властей, Г.Н.Бузов не отбывал срок согласно своему приговору, поскольку вечером 10 августа 2009 года он был госпитализирован в кардиологическое отделение местной больницы.

34. Г.Н.Бузов подал апелляцию в районный суд, который провел слушание 13 августа 2009 года. Суд заслушал его адвоката Еф., которая показала, что видела, как заявитель снимал происходящие события на видео, когда его окружили охранники. Охранники порвали его одежду. Коллегам удалось вырвать его из рук охранников, а потом прибыла милиция и стала вытеснять некоторых предпринимателей в сторону. Один из охранников «распорядился об аресте». Г.Н.Бузов не проявлял неподчинения каким-либо распоряжениям и не оказывал сопротивления при аресте (см. Также пункт 50 ниже).

35. Суд апелляционной инстанции решением от 13 августа 2009 года оставил без изменения постановление от 10 августа 2009 года в отношении заявителя.

36. Узнав в конце сентября 2009 года, что судебные решения в отношении нескольких других участников событий 10 августа 2009 года (и 7 августа 2009 года) были отменены в апелляционном порядке (см. пункты 27-28 выше и пункты 38-39 ниже), заявитель и его защитник О.А.Гнездилова подумали, что у них имеются обоснованные перспективы добиться успеха, если они добьются последующего пересмотра судебных решений от 10 и 13 августа 2009 года. В начале октября 2009 года они подали ходатайство о пересмотре судебных решений. Они приводили, *inter alia*, следующие доводы: что нижестоящие суды не уточнили, какому конкретно распоряжению не повиновался заявитель, и неизвестно, было ли подобное распоряжение законным согласно российскому законодательству; что суды на заслушали никаких должностных лиц или очевидцев, которые были свидетелями вменяемого заявителю в вину предосудительного поведения; а также что суды не уточнили, какие именно действия со стороны заявителя составляли нарушение общественного порядка.

37. 20 ноября 2009 года заместитель Председателя Воронежского городского суда оставил без изменения решения нижестоящих судов. Судья постановил следующее:

«[Заявитель] был в составе группы лиц, которые препятствовали сотрудникам рынка, пытающимся получить доступ в свое офисное здание. Вмешались охранники из частного охранного предприятия, и началась драка между ними и некоторыми из участников. Эти участники не реагировали на распоряжения сотрудников милиции. Сотрудники правоохранительных органов потребовали от [заявителя], который был одним из самых активных участников, прекратить свое противоправное поведение, но он не подчинился этому распоряжению. Затем он был доставлен в отделение милиции».

2. Другие заявители

38. 10 августа 2009 года мировой судья назначил нескольким заявителям женского пола наказание в виде штрафа. Однако 8 сентября 2009 года районный суд заслушал их апелляции и отменил вынесенные в их отношении постановления.

39. В отношении С.В.Журавлевой он постановил следующее:

«Согласно требованиям статьи 28.2 КОАП РФ протокол об административном правонарушении должен содержать, помимо прочего, описание фактов, относящихся к правонарушению, и обстоятельств, при которых оно было совершено. В протоколе, касающейся ответчика, указано, что...она не подчинялась сотрудникам правоохранительных органов, не реагировала на их законные требования прекратить незаконно нарушать общественный порядок, а также хваталась за форму сотрудников правоохранительных органов, когда ее вели в милиционерскую машину, пытаясь оттолкнуть их и убежать».

В протоколе об административном правонарушении не указано, какие распоряжения в отношении общественного порядка были адресованы ответчику и не выполнены или к каким действиям заявителя относились такие распоряжения. Из-за недостатков протокола невозможно установить виновность ответчика в совершении административного правонарушения, и протокол должен быть возвращен [в милицию]».

В отношении М.Ю.Хаванцевой и А.А.Гаркавец суд апелляционной инстанции постановил следующее:

«Ни в протоколе об административном правонарушении, ни в постановлении, вынесенном мировым судьей, не указано, как именно ответчик нарушила общественный порядок, или какие именно распоряжения были даны ей милицией в этой связи, но не выполнены ею».

40. Представляется, что материалы дел были возвращены милиции для внесения изменений в документы. Материалы не были повторно представлены соответствующему мировому судье для проведения повторного судебного заседания.

В. Предполагаемое чрезмерное применение силы 7 августа 2009 года и в ходе связанного с ними судопроизводства

41. 10 августа 2009 года жена М.Г.Анненкова (Н.П.Шаталова, также являющаяся заявителем по настоящему делу) подала заявление о возбуждении уголовного дела в следственное управление Советского района.

42. Н.П.Шаталова утверждала, что сотрудник правоохранительных органов Ку. - старший офицер отделения милиции Советского района, - подвергал ее и ее пожилого мужа жестокому обращению 7 августа 2009 года. Она добивалась возбуждения уголовного дела в отношении офицера. Она утверждала следующее: по ее просьбе ее муж приехал на рынок рано утром 7 августа 2009 года, когда она была на «ночном дежурстве» с другими, чтобы привезти ей теплую одежду; офицер Ку. ударил его в грудь, из-за чего мужчина упал на землю и получил травму головы, ударившись головой об угол стола.

43. 7 августа 2009 года М.Г.Анненкова осмотрели нейрохирург, травматолог и терапевт, которые пришли к выводу, что у него имелась на голове рана от ушиба размером 6 см на 0,3 см на 0,5 см, небольшой отек на правом предплечье и некоторые другие повреждения (эта часть справки неразборчива). Адвокат заявителя в своих показаниях Суду утверждала, что у М.Г.Анненкова имелся перелом ребра. Она настаивала на данном утверждении и после того, как дело было коммуницировано Властям; последние не дали комментариев по данному вопросу.

44. Неустановленные сотрудники провели доследственную проверку в период между 10 и 18 августа 2009 года, выясняя, было ли

сотрудниками совершено правонарушение, заключавшееся в превышении должностных полномочий (в то время определяемые как «действия, явно выходящие за пределы ... полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов [граждан]») - преступление, квалифицируемое по статье 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.

45. Трое других заявителей (Е.В.Гусева, Е.В.Супрунова и О.М.Захарова) также обратились за медицинской помощью 8 августа 2009 года. Е.В.Супруновой был поставлен диагноз «сотрясение головного мозга и ушибы мягких тканей головы и правого предплечья». У О.М.Захаровой были обнаружены кровоподтеки (ушибы) на голове и правом плече. Е.В.Гусева была осмотрена судмедэкспертом, который дал заключение о том, что у нее имелись следы от ушибов (синяки) на передней части правого предплечья (размером 2,5 см на 2 см и 2,4 см на 1,9 см) и след от ушиба меньшего размера на внутренней части правого предплечья, ссадины на правом и левом бедрах размером 9 см на 8,5 см и 8 см на 7,5 см соответственно, а также ссадины на правом и левом голеностопных суставах размером 6 см на 3 см и 2 см на 1,3 см. соответственно.

46. Как представляется, в неустановленную дату Е.В.Супрунова, О.М.Захарова и Е.В.Гусева были заслушаны в рамках доследственной проверки в отношении М.Г.Анненкова.

47. О.М.Захарова заявила, что пришла на рынок рано утром 7 августа 2009 года и увидела сотрудника правоохранительных органов, тащившего Е.В.Гусеву. Она возразила сотруднику правоохранительных органов Ку., который потом толкнул ее. Она упала на землю, ударившись плечом и затылком о какие-то деревянные предметы на земле.

48. Е.В.Супрунова заявила, что сотрудник правоохранительных органов Ку. приказал: «Возьмите ее» и начал тянуть ее за волосы и за руки, но другие предприниматели пытались заслонить ее.

49. Е.В.Гусева заявила, что пыталась заслонить Е.В.Супрунову от Ку., который тянул ее за волосы. Сотрудники милиции Ку. и Х. толкнули Е.В.Гусеву к стене, из-за чего она упала и потеряла сознание. Затем ее протащили за руки по земле, а один из милиционеров ударил ее по спине, когда сажал в милицейскую машину.

50. Коллега заявителей Еф. дала письменные показания о том, что рано утром 7 августа 2009 года на рынке находилось около тридцати человек. Будучи предупреждена о прибытии милиции, она вышла и увидела около шестнадцати милиционеров, включая офицера Ку. - старшего офицера, который отдавал приказы, указывая, что сотрудники правоохранительных органов должны «взять этого» или что-то подобное. Она увидела, как сотрудник правоохранительных органов выкручивает руки Е.В.Супруновой, и как Е.В.Гусеву тащили

по земле. Потом она увидела, как М.Г.Анненков спросил офицера Ку.: «Что Вы делаете?», а офицер Ку. неожиданно ударил его в грудь, из-за чего М.Г.Анненков упал и ударился головой о поверхность стола. М.Г.Анненкову стало плохо. Тогда офицер Ку. ударил его по ноге и приказал: «Заберите этого».

51. В ходе доследственной проверки офицер Ку. дал следующие письменные показания:

«6 августа 2009 года в отделение милиции поступила информация о том, что рано утром 7 августа группа, состоящая из 300 человек, может предпринять насильственные действия с целью захвата рынка. В 05:45 около тридцати сотрудников правоохранительных органов под моим командованием прибыли на рынок для предотвращения беспорядков и противоправных действий. Мы увидели снаружи здания примерно двадцать человек, которые митинговали, скандируя лозунги и выкрикивая что-то об областном прокуроре и губернаторе. До этого предпринимателям были выданы предупреждения о недопустимости незаконных действий с их стороны. Неожиданно примерно пять женщин начали кричать и призывать на помощь, при этом хватая нас за форму. Мы арестовали около тринадцати человек, включая наиболее активных нарушителей; все они оказывали сопротивление при аресте. Мы действительно применяли физическую силу в отношении нескольких человек, а именно приемы самбо - такие как заламывание рук за спину. Никто из сотрудников, включая меня, не наносил никаких ударов...».

52. 19 августа 2009 года следователь вынес решение об отказе в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на заявления нескольких офицеров, включая офицера Ку., а также показания М.Г.Анненкова, Н.П.Шаталовой, О.М.Захаровой и Е.В.Супруновой.

53. По-видимому, постановление об отказе, датированное 19 августа 2009 года, было впоследствии отменено, а доследственная проверка была продолжена. Были получены письменные показания от некоторых других участников собрания. Сотрудник правоохранительных органов Х. также был заслушан, и он подтвердил показания сотрудника Ку., данные последним ранее.

54. 7 сентября 2009 года следователь вновь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудника правоохранительных органов Ку., Х. и других сотрудников. Кратко изложив содержание вышеупомянутых показаний, он сделал следующий вывод:

«В ходе доследственной проверки не было получено достаточной и объективной информации, указывающей на совершение какого-либо преступления кем-либо из сотрудников правоохранительных органов ... Основания для жалобы, перечисленные в жалобах, опровергаются показаниями сотрудников ... Телесные повреждения могли быть получены во время ареста из-за сопротивления, оказываемого сотрудникам правоохранительных органов (данное сопротивление впоследствии было подтверждено стороной обвинения в ходе производства по административным правонарушениям). Кроме того, ввиду важных и неустраняемых противоречий между различными свидетельскими показаниями, невозможно сделать правильные выводы в отношении совершения преступления Ку., Х. или другими...»

55. По неустановленным причинам 1 октября 2009 года было вынесено новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое затем было отменено 7 октября 2009 года заместителем директора районного следственного управления. Он указал, что необходимо: дать оценку имеющимся судебным решениям по административным правонарушениям, касающимся событий 7 августа 2009 года; установить и допросить лиц, которых держали в отделении милиции месте с арестованными лицами; установить допросить всех сотрудников правоохранительных органов, которые присутствовали в отделении и составляли дела об административных правонарушениях в отношении арестованных предпринимателей; а также допросить всех сотрудников правоохранительных органов, дежуривших в этот день и присутствовавших на рынке.

56. Четверо заявителей (М.Г.Анненков, Е.В.Супрунова, Е.В. Гусева и О.М.Захарова) добивались судебного пересмотра в отношении отказа от 1 октября 2009 года. На слушании, состоявшемся 19 октября 2009 года, они узнали, что постановление об отказе было уже отменено. По этой причине дело было прекращено.

57. Следующий отказ был получен 9 ноября 2009 года.

58. 22 декабря 2009 года областное следственное управление отменило отказ от 9 ноября 2009 год, потому что он содержал недостаточную оценку фактических обстоятельств, не содержал правдоподобного объяснения полученных заявителями телесных повреждений, равно как не содержал оценки законности действий милиции.

59. Не зная о вышеупомянутом решении, заявители добивались судебного пересмотра отказа в возбуждении уголовного дела от 9 ноября 2009 года. 9 ноября 2010 года районный суд прекратил производство, поскольку надзорная инстанция отменила оспариваемое решение об отказе.

60. По информации Властей, новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено 19 июня 2012 года. Оно было отменено 5 октября 2012 года районной прокуратурой. После этого уголовное дело было возбуждено на основании статьи 286 Уголовного кодекса. По-видимому, М.Г.Анненков и Е.В.Супрунова были по крайней мере еще раз допрошены следователем. Состоялась официальная очная ставка между М.Г.Анненковым и неустановленным свидетелем, который предположительно видел, как заявитель сам споткнулся и упал на землю 7 августа 2009 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Наказание за административные правонарушения

61. В рассматриваемый период на основании части 1 статьи 19.3 КОАП РФ следующее поведение наказывалось штрафом или административным арестом: неповиновение законному распоряжению сотрудника милиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей.

62. В соответствии со статьей 3.9 КОАП РФ наказание за в виде административного ареста за совершенные административные правонарушения не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей, несовершеннолетним лицам, инвалидам I и II групп, военнослужащим и к некоторым другим категориям лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении № 195-О от 13 июня 2006 счел, что законодатель уполномочен предусматривать разные виды наказаний в зависимости от того, было ли одно и то же административное правонарушение совершено мужчиной или женщиной. Цель такого проводимого различия - защита здоровья и социального благополучия женщины-матери. В любом случае наказание в виде административного ареста может быть наложено только судом и только в исключительных обстоятельствах, когда более мягкое наказание (такое, как штраф) было бы неуместным. В случае, если ответчиком является лицо мужского пола, судье следует принимать во внимание, является ли ответчик одиноким родителем, воспитывающем одного или более детей.

63. Для ознакомления с соответствующим внутригосударственным законодательством и судебной практикой в отношении пересмотра вступивших в силу постановлений судов общей юрисдикции, вынесенных на основании КОАП РФ до и после определенных изменений, внесенных в законодательство в декабре 2008 года и в августе 2014 года см. решение Европейского суда от 31 января 2017 года по делу «Смадилов против России» (*Smadikov v. Russia*), жалоба № 10810/15, пункты 8-30, и постановление Европейского Суда от 21 февраля 2017 года по делу «'Орловская Искра' против России» (*Orlovskaya Iskra v. Russia*), жалоба № 42911/08, пункты 29-32.

Б. Регулирование публичных мероприятий

64. Федеральный закон № 54-ФЗ от 19 июня 2004 года «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – «Закон «О публичных мероприятиях»»), гласит, что публичное мероприятие – открытая, мирная, доступная каждому акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений. Целями публичного мероприятия являются свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики (часть 1 статьи 2 Закона «О публичных мероприятиях»).

65. Закон «О публичных мероприятиях» различает следующие виды публичных мероприятий: собрание - совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов; митинг - массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера; демонстрация - организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации; шествие - массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам; пикетирование - форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации (части 2-6 статьи 2).

66. Организатор публичного мероприятия (за исключением «собрания и пикетирования, проводимого одним участником») должен уведомить компетентный орган (часть 1 статьи 7).

67. Как представляется, требование о предварительном уведомлении не требуется только в случае одиночного пикетирования (см., например, решения №№ 4а-4310/2015 и 714096/2015 Московского городского суда от 11 ноября и 22 декабря 2015 года), хотя некоторые суды считали, что под это требование не подпадают и собрание, и одиночное пикетирование (см., например, решение № 4а-427/2015 Самарского областного суда от 4 июня 2015 года).

В. Чрезмерное применение силы милицией

68. Закон 1991 года «О милиции» (Федеральный закон № 1026-I от 18 апреля 1991 года) предоставляет сотрудникам милиции право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений, для задержания преступников, а также для преодоления противодействия законным требованиям, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на милицию обязанностей (статья 13 закона).

69. Все должны были повиноваться законному требованию сотрудника милиции. Невыполнение законных требований сотрудника милиции и действия, препятствующие их выполнению, влекли за собой ответственность виновного лица в установленном законом порядке. Сотрудники милиции не несли ответственности за моральный, материальный и физический ущерб, причиненный применением физической силы, если причиненный вред был соразмерен силе, примененной в отношении правонарушителя (статья 23 закона). При применении физической силы от сотрудника милиции требовалось: (i) стремиться, чтобы любой ущерб, причиненный соответствующему лицу, был минимальным, в зависимости от характера и степени опасности правонарушения и лиц, его совершивших, и силы оказываемого противодействия; (ii) обеспечить лицам, получившим телесные повреждения, предоставление медицинской помощи (статья 12 закона). Применение физической силы с превышением полномочий (представляющее собой превышение должностных полномочий) могло повлечь за собой ответственность, установленную законом (там же).

70. На деятельность сотрудника милиции распространялись нормы уголовного законодательства Российской Федерации о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также крайней необходимости (статья 24 Закона).

71. Статья 39 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит следующее:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ М.Г.АННЕНКОВА, Е.В.СУПРУНОВОЙ, Е.В.ГУСЕВОЙ И О.М.ЗАХАРОВОЙ

72. Четверо заявителей обратились с жалобой о том, что они подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, и что по этому поводу не было проведено надлежащее расследование в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость жалобы

73. Власти, ссылаясь на решения от 13 августа и 20 ноября 2009 года, утверждали, что данная жалоба подана с опозданием. Однако Суд отмечает, что эти решения не касаются Е.В.Супруновой, Е.В.Гусевой, О.М.Захаровой или М.Г.Анненкова. В любом случае Суд отмечает, что они подали заявление о возбуждении уголовного дела, утверждая о предположительном чрезмерном применении силы в их отношении, и что результатом подачи данного заявления явился отказ в возбуждении уголовного дела (см. пункты 41-59 выше). Заявители подали настоящую жалобу в Европейский Суд 2 мая 2010 года, то есть в течение шести месяцев после отмены второго постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 9 ноября 2009 года (см. пункт 58 выше). Суд не усматривает основания для сомнений в том, что указанная жалоба подана с соблюдением шестимесячного срока. Власти не утверждали обратного.

74. Власти также утверждали, что уголовное дело было возбуждено в июне 2012 года. Жалоба являлась преждевременной и таким образом неприемлемой в силу одной из причин, оговоренных статьей 35 Конвенции. Суд отмечает, что Власти не информировали его о ходе или итогах предварительного следствия. В любом случае в период с августа 2009 года до даты подачи настоящей жалобы в Суд национальным властям предоставлялись достаточные возможности рассмотреть жалобу, относящуюся к применению силы, и провести эффективное расследование в данном отношении. Как отмечено выше, настоящая жалоба была подана вовремя. Возобновление расследования в 2012 году не делает жалобу неприемлемой на основании статьи 35 Конвенции.

75. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35

Конвенции. Он также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Аргументы сторон

76. Заявители утверждали, что они немедленно подали заявление о возбуждении уголовного дела. Власти знали о применении физической силы, и им вменялось в обязанность оценить, было ли такое применение оправданным в конкретных обстоятельствах, а также соответствовали ли применяемые методы телесным повреждениям, нанесенным заявителям. Медицинская помощь заявителям была оказана лишь после судебного заседания. Доследственная проверка в 2009 году не могла быть независимой и беспристрастной, поскольку следователи в своих оценках, относящихся к доследственной проверке, должны были основываться на показаниях сотрудников милиции. Существовали ограничения для следственных органов при возбуждении уголовных дел, и таким образом у них имелись ограниченные полномочия при сборе доказательств. Возбуждение уголовного дела в 2012 году состоялось после того, как жалоба по настоящему делу была коммуницирована Властям государства-ответчика, и не привело к эффективному расследованию жалобы на чрезмерное применение силы.

77. Власти не представили никакой информации по существу жалоб заявителей на основании статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом и процессуальном аспектах.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Применение силы в отношении четверых заявителей

(i) Общие принципы

78. Суд напоминает, что статья 3 Конвенции категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., среди других примеров, постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 162, Series A № 25).

79. В отношении лица, лишенного свободы, любое применение физической силы, которое не являлось строго необходимым в связи с его поведением, унижает человеческое достоинство и представляет собой нарушение права, закрепленного в статье 3 Конвенции (см., в числе прочих, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Лабита против Италии*» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 120, ECHR 2000–IV, и постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 года по делу «*Рибич против Австрии*» (*Ribitsch v. Austria*), пункт 38, Series A № 336, которые касаются утверждений о жестоком обращении в полиции либо в следственных изоляторах). В отношении применения физической силы во время ареста Суд ранее указывал на то, что статья 3 Конвенции не запрещает применение силы для ареста на законных основаниях, но что применение такой силы не должно быть чрезмерным (см., среди прочих источников, постановление Европейского Суда от 29 января 2009 года по делу «*Поляков против России*» (*Polyakov v. Russia*), жалоба № 77018/01, пункт 25, и постановление Европейского Суда от 30 мая 2013 года по делу «*Давитадзе против России*» (*Davitidze v. Russia*), жалоба № 8810/05, пункт 803), и что «такая сила должна применяться только в случае крайней необходимости, и ее применение не должно носить чрезмерный характер» (см., например, постановление Европейского Суда от 10 ноября 2015 года по делу «*Шакир Качмаз против Турции*» (*Şakir Kaçmaz v. Turkey*), жалоба № 8077/08, пункт 80). В любом случае, Суд повторяет, что в отношении лиц, лишенных свободы, либо, в более широком понимании, при конфликтах с сотрудниками правоохранительных органов, применение физической силы, которое не являлось строго необходимым ввиду поведения таких лиц, унижает человеческое достоинство и является нарушением права, закреплённого в статье 3 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Буйд против Бельгии*» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09, пункты 88 and 100-01, ЕСПЧ 2015).

80. Суд повторяет, что, в силу своей субсидиарной роли, он со всей осторожностью должен относиться к случаям, когда он берет на себя роль суда первой инстанции, если такая ситуация является неизбежной вследствие обстоятельств конкретного дела. Суд постановлял при различных обстоятельствах, что, если имело место судебное разбирательство на национальном уровне, в задачу Суда не входит подмена своей собственной оценкой фактов оценки национальных судов, и, как правило, именно национальные суды должны оценивать представленные им доказательства (см., среди других источников, постановление Большой палаты Европейского Суда от 24 марта 2011 года по делу «*Джиулиани и Гаджио против Италии*» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*), жалоба № 23458/02, пункты 179 и 180). Хотя Суд и не связан выводами национальных судов, в обычных условиях ему

необходимы убедительные доводы для того, чтобы отойти от фактов, установленных этими судами (там же).

81. В то же время, в соответствии со статьей 19 Конвенции обязанность Суда заключается в обеспечении соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции. В случае подачи жалоб на нарушение требований статьи 3 Конвенции Суд обязан провести исчерпывающее рассмотрение.

82. При оценке доказательств в делах, касающихся статьи 3 Конвенции, Суд, как правило, применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений». Однако Суд никогда не ставил цель применять подход национальных правовых систем, использующих тот же стандарт. Роль Суда состоит не в разрешении вопроса о виновности в совершении преступления или о гражданской ответственности, а в определении ответственности Договаривающихся Сторон в рамках Конвенции. Специфика его задачи в соответствии со статьей 19 Конвенции — обеспечение соблюдения Договаривающимися Сторонами их обязательств по обеспечению уважения основных прав, закрепленных в Конвенции — обуславливает его подход к вопросам доказательств и доказывания. В производстве в Суде не существует процессуальных барьеров для признания приемлемости доказательств или предопределенной формулы для их оценки. Суд делает выводы, которые, по его мнению, подкреплены свободной оценкой всех доказательств, включая предположения на основе фактов и представленные сторонами материалы. В соответствии со сложившейся практикой, такой критерий доказывания может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных предположений или похожих неопровержимых фактических презумпций. Более того, уровень убедительности, необходимый для получения конкретного заключения, и, в связи с этим, распределения бремени доказывания, по сути, связаны со спецификой фактов, характером утверждений и имеющими отношение к делу правами, закрепленными в Конвенции. Суд также со всей серьезностью относится к решению о том, что Договаривающаяся Сторона нарушила основополагающие права (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, пункт 147, ЕСПЧ 2005-VII).

83. Производство по жалобам на нарушения Конвенции не всегда характеризуется неуклонным применением принципа *affirmanti incumbit probatio* (бремя доказывания лежит на обвиняющей стороне). Суд напоминает о своей устоявшейся практике по вопросу нарушений статей 2 и 3 Конвенции, согласно которой, если рассматриваемые события относятся к сфере исключительной компетенции властей, как

в случае с лицами, находящимися под стражей под контролем властей, возникают обоснованные фактические презумпции в отношении травм и случаев смерти, имевших место во время содержания под стражей. В таком случае можно считать, что на властях лежит бремя доказывания с целью предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения (см. постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, пункт 100, ЕСПЧ 2000–VII; «Чакыджы против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба № 23657/94, пункт 85, ЕСПЧ 1999–IV; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 февраля 2012 года по делу «Крянгэ против Румынии» (*Creangă v. Romania*), жалоба № 29226/03, пункт 90).

(ii) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

84. Между сторонами не было разногласий по поводу того, что 7 августа 2009 года заявителям были нанесены телесные повреждения. Стороны также соглашались с тем, что такие повреждения были нанесены во время арестов, и что сотрудники милиции тем или иным образом были причастны к данной ситуации.

85. Следует определить, исходя из материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции, было ли применение физической силы «строго необходимым», принимая во внимание поведение каждого заявителя.

86. Суд отмечает, что в настоящем деле милиция действовала в контексте ситуации, при которой имелся конфликт между относительно большой группой предпринимателей и администрацией рынка, - ситуацией, при которой первые в некотором роде осуществили «захват» территории рынка.

87. Заявители получили телесные повреждения в ходе этой проводимой сотрудниками правоохранительных органов операции, которая осуществлялась с целью решить вопрос постоянного присутствия заявителей на территории рынка. В распоряжении Суда мало объективной информации относительно обстоятельств, при которых милиция действовала утром 7 августа 2009 года. Никакие обстоятельства настоящего дела не свидетельствуют об особой срочности этой операции. Так, властям следовало спланировать свою операцию (см. постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 года по делу «Балчык и другие против Турции» (*Balçık and Others v. Turkey*), жалоба № 25/02, пункт 32, и постановление Европейского Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 72, ЕСПЧ 2000XII). Хотя неясно, получали ли органы власти уведомление о «собрании», и требовалось ли такое уведомление вообще (см. пункты 8 и 66–67 выше), ясно то, что милиции было известно о ситуации на рынке задолго до ее

вмешательства, состоявшегося 7 августа 2009 года (см. пункты 9 и 51 выше).

88. Суды первой инстанции при рассмотрении административных дел в отношении заявителей посчитали, что последние не повиновались распоряжениям милиции. Однако эти судебные решения были впоследствии отменены в апелляционном порядке, *inter alia*, из-за отсутствия точности в отношении обстоятельств, при которых отдавались распоряжения или имело место неповиновение распоряжениям, обстоятельств, относящихся к применению силы и доставлению заявителей в отделение милиции (см. пункты 26-28 выше).

89. В имеющихся решениях, в частности постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 9 ноября 2009 года, не уточняется, сопротивлялись ли заявители аресту и каким образом. В них также не содержится никакого альтернативного, удовлетворительного или убедительного объяснения телесных повреждений заявителей.

90. С учетом вышеуказанных факторов и недостатков внутригосударственного расследования (см. пункты 97-100 ниже) Суд приходит к выводу, что ему не было представлено убедительных доказательств того, что применение физической силы сотрудниками милиции, повлекшее относительно серьезные телесные повреждения, не было чрезмерным. Последствием такого применения силы были телесные повреждения, причинившие заявителям страдания такого рода, какие приравниваются к бесчеловечному обращению (см. упомянутые выше постановления по делу *Ребока*, пункт 77, и по делу *Давитидзе*, пункт 96).

91. Таким образом, Суд приходит к выводу, что обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о нарушении статьи 3 Конвенции в связи с чрезмерным применением силы в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой и О.М.Захаровой.

(б) Предполагаемое отсутствие эффективного расследования

(i) Общие принципы

92. Суд напоминает, что, если лицо предъявляет небезосновательную жалобу о том, что в нарушение статьи 3 Конвенции оно подверглось крайне жестокому обращению со стороны представителей государства, по данному факту должно быть проведено тщательное и эффективное расследование (см., в числе прочих [источников], постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 года по делу «*Ассенов и другие против Болгарии*» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), пункт 102, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека* 1998–VIII, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 1 июня 2010 года по делу

«Гефген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 117).

93. Несмотря на то, что не каждое расследование обязательно должно вести к выводу, совпадающему с версией событий истца, любое расследование должно быть в принципе способно привести к установлению обстоятельств дела и, если обвинения подтвердятся, к установлению и наказанию виновных (см. постановление Европейского Суда по делу «Махмут Кайа против Турции» (*Mahmut Kaya v. Turkey*), жалоба № 22535/93, пункт 124, ЕСПЧ 2000–III, и постановление Европейского Суда по делу «Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства» (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*), жалоба № 46477/99, пункт 71, ЕСПЧ 2002–II).

94. Расследование таких обвинений в жестоком обращении должно быть проведено тщательно. Это означает, что власти всегда должны тщательно пытаться установить хронику событий и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу или для вынесения решений (см. вышеупомянутое дело «Ассенов и другие против Болгарии», пункт 103 и далее). Они должны предпринимать все доступные им разумные меры для того, чтобы обеспечить наличие доказательств происшедшего, включая показания очевидцев и заключения судебной экспертизы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» (*Tanrikulu v. Turkey*), жалоба № 23763/94, пункт 104 и далее, ЕСПЧ 1999–IV, и постановление Европейского Суда от 14 декабря 2000 года по делу «Гюль против Турции» (*Gül v. Turkey*), жалоба № 22676/93, пункт 89). Кроме того, Суд часто оценивал оперативность реагирования властей на жалобы в период, относящийся к обстоятельствам дела, придавая значение дате начала расследования, задержкам в сборе показаний и количеству времени, потребовавшемуся для завершения расследования (см. вышеупомянутое постановление по делу «Лабита против Италии», пункт 133 и далее, и постановление Европейского Суда от 18 октября 2001 года по делу «Инделикато против Италии» (*Indelicato v. Italy*), жалоба № 31143/96, пункт 37). Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины телесных повреждений или личностей виновных, может привести к нарушению применимого стандарта.

(ii) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

95. Обращаясь к настоящему делу, Суд напоминает, что травмы заявителей и связанные с этим утверждения заявителей (в том числе касающиеся унижающего человеческого достоинство обращения) в адрес сотрудников милиции были достаточно серьезными для того, чтобы был достигнут «минимальный уровень жестокости», наличия

которого требует статья 3 Конвенции. Кроме того, утверждения заявителя являлись «небезосновательными» и, следовательно, требовали проведения расследования национальными органами власти.

96. Следует принять к сведению тот факт, что расследование было проведено. В ходе дополнительных проверок были предприняты усилия по выявлению и исправлению отдельных недостатков первоначально проведенной доследственной проверки.

97. Однако находящиеся в распоряжении Суда материалы не указывают на то, что следственный орган предпринимал какие-либо усилия для оценки медицинских доказательств, представленных заявителями, или добивался последующей медицинской оценки. Следственный орган также не проводил сравнительной оценки изложения событий заявителями, либо сравнительной оценки каждого изложения и имеющихся доказательств, таких как медицинские доказательства и прочие свидетельства. Не было проведено никакой оценки в отношении ареста кого-либо из заявителей в том, что касается соотношения между полученными телесными повреждениями и характером и интенсивностью оказанного сопротивления (при наличии такового).

98. По сути, в настоящем деле следственным органом не было предпринято добросовестной попытки точно установить, в чем заключалось такое противодействие, или скорее сопротивление (попытка побега, использование нецензурной лексики, применение силы или какие-либо другие формы сопротивления), или точно определить видение ситуации сотрудниками правоохранительных органов, их фактическую реакцию на эту ситуацию, а также пропорциональность такой реакции. Несмотря на достаточно конкретные утверждения заявителей, национальные власти не предоставили правдоподобных объяснений относительно обстоятельств, при которых заявителям были нанесены их травмы.

99. И, наконец, Суд отмечает, что в отношении одного из заявителей утверждалось, что арест был произведен таким образом, который обоснованно мог бы классифицироваться как унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции (см. пункты 48-49 выше). Этот аспект дела получил адекватную оценку на национальном уровне.

100. Нельзя сказать, что при доследственной проверке применялся подход, требуемый на основании статьи 3 Конвенции, для установления, носило ли применение силы сотрудниками правоохранительных органов чрезмерный характер, и подвергался ли кто-либо из заявителей унижающему достоинство обращению во время ареста (например, хватали ли его сотрудники за одежду, или тянули за волосы, тащили по земле, как утверждали некоторые

заявители) (см. для сравнения вышеупомянутое постановление по делу *Буйда*, пункты 100-13).

101. Принимая во внимание вышеупомянутые недостатки, Суд полагает, что расследование в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Гусевой, О.М.Захаровой и Е.В.Супруновой не в полной мере отвечало требованиям статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

102. Все заявители жаловались на нарушение их права на свободу мирных собраний. Они ссылались на пункт 1 статьи 11 Конвенции, соответствующая часть которого гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. ...»

А. Приемлемость жалобы

1. Аргументы сторон

103. Власти государства-ответчика утверждали, что с точки зрения процедуры в отношении административных правонарушений решения от 20 ноября 2009 года, вынесенные Воронежским областным судом, не могли приниматься во внимание для целей применения правила о соблюдении шестимесячного срока. В отношении процедуры пересмотра по статье 30.12 КОАП РФ не имелось никаких предельно допустимых сроков; более того, не было обязательно исчерпать обычную процедуру апелляции до подачи ходатайства о пересмотре.

104. Четверо заявителей (Н.В.Хаванцев, И.А.Хрипунов, М.В.Финский и Г.Н.Бузов) утверждали, что протоколы об административных правонарушениях и судебные постановления в их отношении были идентичны документам, касающимся заявителей, в отношении которых районный суд (заседающий в качестве суда апелляционной инстанции) признал нарушение КОАП РФ. Так, эти четверо заявителей указывали, что у них имелись перспективы добиться успешного пересмотра вынесенных в их отношении судебных решений, поскольку суд, осуществляющий пересмотр, сможет устранить непоследовательные подходы, применяемые судьями районного суда в отношении различных заявителей, а именно нарушений, наказуемых штрафом, и нарушений, наказуемых

административным арестом. Заявители, ссылаясь на решение Европейского Суда от 25 июня 2009 года по делу *«Ковалева и другие против России» (Kovaleva and Others v. Russia)*, жалоба № 6025/09, утверждали, что это являлось разумно обоснованной попыткой предоставить государству-ответчику устранить нарушения. И, наконец, эти четверо заявителей также ссылались на результаты доследственной проверки, проведенной в конце 2009 года, как косвенно имеющие отношения к их личным ситуациям, в той степени, в какой государство-ответчик отказалось расследовать злоупотребления со стороны милиции в отношении собрания, в котором они участвовали.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

105. Европейский Суд отмечает с самого начала, что производство в отношении определенных заявителей было в итоге прекращено после отмены вынесенных в их отношении постановлений судом апелляционной инстанции и возврата материалов дел в милицию в сентябре 2009 года. Эти заявители не указали дату(ы), в которую(ые) они узнали или должны были узнать о том, что производство было окончательно прекращено, что составляло «вступившее в силу решение» по их делам. В подобных обстоятельствах не было продемонстрировано, что жалобы, относящиеся к судебному преследованию за административные правонарушения, были поданы вовремя в отношении данных заявителей в мае 2010 года. Соответственно, жалобы в отношении М.Ю.Хаванцевой, Н.П.Шаталовой, Л.П.Пуховой, С.В.Корчагиной, А.А.Гаркавец и С.В.Журавлевой были поданы с опозданием и должны быть отклонены в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

106. Ввиду того, что процедура подачи заявления о возбуждении уголовного дела имела отношение к определению вопросов, относящихся к способу прекращения участия заявителей в демонстрации, и к тому, как с ними обращалась милиция, Суд отмечает, что настоящая жалоба была подана в течение шести месяцев после получения соответствующими заявителями (Е.В.Супруновой, Е.В.Гусевой, О.М.Захаровой и М.Г.Анненковым) или их представителем(ями) в этом производстве постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 9 ноября 2009 года. Власти государства-ответчика не утверждали, что эту процедуру не стоит принимать во внимание в том, что касается вопросов, относящихся к свободе собраний, например, как явно не имеющую цели в контексте конкретных вопросов, относящихся к статье 11 Конвенции (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 11 октября 2016 года по делу *«Леонид Петров против России» (Leonid Petrov v. Russia)*, жалоба № 52783/08, пункты 49-50; постановление Европейского Суда

от 4 ноября 2010 года по делу «Александр Соколов против России» (*Aleksandr Sokolov v. Russia*), жалоба № 20364/05, пункт 66; а также решение Европейского Суда от 8 июля 2014 года по делу «Смирнова против России» (*Smirnova v. Russia*), жалоба № 37267/04, в которых эта процедура принималась во внимание на основании пункта 1 статьи 35 Конвенции в отношении жалоб на основании пункта 1 статьи 5). Со своей стороны, Суд отмечает, что Уголовный кодекс Российской Федерации включал статью 149, предусматривающую уголовное наказание для должностных лиц за препятствование публичному собранию, в частности с применением физической силы; статью 286, предусматривавшую наказание для должностных лиц за злоупотребление полномочиями (законодательная норма, часто применявшаяся, например, в отношении жалоб, возникающих в контексте применения силы милицией, включая или не включая связанный вопрос относительно лишения свободы, см. постановление Европейского Суда от 23 февраля 2016 года по делу «Александр Андреев против России» (*Aleksandr Andreyev v. Russia*), жалоба № 2281/06, пункты 34-45 и 47-51); статьи 127 и 301 Уголовного кодекса, предусматривавшие наказание за незаконное лишение свободы и явно незаконное применение процедуры ареста или предварительного заключения. Суд отмечает, что в связанной жалобе заявителей акцент сделан на применение силы во время публичного мероприятия и телесных повреждений, нанесенных должностными лицами (см., *inter alia*, постановление Суда от 16 октября 2014 года по делу «Мостипан против России» (*Mostipan v. Russia*), жалоба № 12042/09, пункт 38, касающееся применения процедуры подачи заявления о возбуждении уголовного дела на основании жалоб о жестоком обращении). Суд не усмотрел причин для исключения этой процедуры, поэтому в настоящем деле она должна быть принята во внимание для целей правила шестимесячного срока (см. также пункт 73 выше).

107. Что касается Г.Н.Бузова, Н.В.Хаванцева, И.А.Хрипунова и М.В.Финского, отмечается, что соответствующие жалобы были поданы в течение шести месяцев после вынесения и *a fortiori* получения решений от 20 ноября 2009 года – решений, отклоняющих их ходатайства о пересмотре на основании КОАП РФ.

108. Суд отмечает, что, хотя в КОАП РФ не содержится предельно допустимых сроков для пересмотра вступивших в силу решений, вынесенных судами общей юрисдикции, в 2006 году Конституционный Суд РФ вынес определение, в котором указывалось, что до внесения поправок в КОАП РФ (в частности, в статью 30.11 КОАП РФ) в законодательном порядке, судам общей юрисдикции следовало применять аналогичные положения, содержащиеся в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – «АПК РФ») в отношении процедуры судебного пересмотра для

арбитражных дел, включая дела об административных правонарушениях в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Согласно АПК РФ ходатайство о пересмотре в порядке надзора должно было быть подано в течение трех месяцев с даты вынесения последнего оспариваемого постановления. В этой связи отмечается, что в 2009 году Европейский Суд согласился, что процедура пересмотра в порядке надзора на основании АПК РФ (которая оставалась в силе до августа 2014 года) имела статус средства правовой защиты в делах, рассматриваемых арбитражными судами (см. вышеупомянутое дело *Ковалевой и других*).

109. Суд отмечает, что определение Конституционного Суда РФ от 2006 года было опубликовано и, таким образом, доступно для всех заинтересованных лиц, включая стороны в производствах на основании КОАП РФ и суды, которые должны были опираться на него как на применимое законодательство. После законодательной реформы в декабре 2008 года, за которой последовало удаление статьи 30.11, лежавшей в основе конституционного определения 2006 года, сомнительно, может ли данное определение по-прежнему служить правовой основой в российском законодательстве для характеристики измененной процедуры пересмотра, основанной на новой статье 30.12 КОАП РФ. Тем не менее, отмечается, что процедура пересмотра осталась в основном аналогичной предыдущей процедуре пересмотра в надзорном порядке по статье 30.11 КОАП РФ. Суд принимает довод о том, что в 2009 году для заявителей не было сразу очевидным, что, возможно, уже не следует полагаться на конституционное определение 2006 года и правила АПК РФ (для сравнения см. упомянутое выше постановление по делу *Смадикова*). По существу, воспользовавшись «обычной» процедурой апелляции, заявители тогда не затягивали время и быстро подали свои жалобы для пересмотра в течение трехмесячного срока, упомянутого в АПК РФ. Важно, что Суд отмечает довод заявителей о том, что их ходатайство о пересмотре было обосновано явно противоречивым толкованием и применением КОАП РФ при обстоятельствах, которые казались теми же самыми фактическими обстоятельствами, относящимися к событиям 7 и 10 августа 2009 года. Ввиду почти идентичных постановлений суда первой инстанции в отношении всех заявителей и после отмены районным судом постановлений в отношении десяти заявителей, Суд признает, что остальные четверо заявителей (которые уже отбыли свои сроки административного ареста, исполненные немедленно после вынесения постановления районным судом) могли разумно обоснованным образом счесть, что у них имеются благоприятные перспективы при дальнейшем оспаривании вступивших в силу решений по их делам, включая решения суда апелляционной инстанции, вынесенные тем же самым районным судом.

110. Таким образом, в конкретных обстоятельствах настоящего дела, для целей применения правила о шестимесячном сроке Суд примет во внимание решения о пересмотре, вынесенные Воронежским областным судом 20 ноября 2009 года, и делает вывод о том, что четверо заявителей (Г.Н.Бузов, Н.В.Хаванцев, И.А.Хрипунов и М.В.Финский) таким образом выполнили требование о шестимесячном сроке в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

111. В имеющихся в распоряжении Суда материалах нет указаний на то, что Г.Н.Бузов подвергся судебному преследованию в связи с событиями 7 августа 2009 года, или что имелось другое «вмешательство» на основании статьи 11 Конвенции, касающееся его предполагаемого участия в собрании в эту дату. Соответственно, данная жалоба несовместима *ratione personae* с положениями Конвенции в контексте подпункта «а» пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35.

112. Поэтому Европейский Суд рассмотрит существо следующих жалоб:

- жалобы М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой, Е.В.Гусевой, О.М.Захаровой, Н.В.Хаванцева, И.А.Хрипунова и М.В.Финского в отношении событий 7 августа 2009 года;

- жалобы Г.Н.Бузова в отношении событий 10 августа 2009 года.

113. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Аргументы сторон

(а) Заявители

114. Заявители утверждали, что постановления суда первой инстанции, которыми они были осуждены за совершение административных правонарушений, содержали похожие - если не идентичные - формулировки. Десять из этих постановлений были отменены в апелляционном порядке, а четыре постановления были оставлены без изменений. В постановлениях не содержалось четкого изложения фактов и действий, предположительно вменяемых им в вину в отношении предполагаемого неповиновения, оказанного полиции. В частности, не было достаточным образом определено, какое распоряжение было дано милицией и какому распоряжению они не повиновались; а также было ли это распоряжение законным; или какое именно было совершено нарушение «установленных правил,

касающихся организации и проведения» публичного мероприятия, и какое отношение распоряжение милиции имело к этому нарушению. Хотя суд апелляционной инстанции и не нашел нарушений правил в отношении десяти заявителей, он, по-видимому, решил вынести иное постановление касательно остальных четверых заявителей применительно к тому же событию, но не уточнил, почему.

115. Существенных различий между постановлениями в отношении десяти заявителей и постановлениями в отношении остальных четверых заявителей не имелось; единственное различие заключалось в том, что последние были приговорены к административному аресту и уже отбыли сроки административного ареста ко времени апелляционного производства.

116. Заявители утверждали, что они не осуществляли никаких протестных действий *stricto sensu*, и что их действия заключались в постоянном присутствии на рынке на основе взаимозаменяемости, чтобы не допустить передачи земли другому пользователю и сноса рынка. Они, как законные пользователи мест на рынке, имели законное право находиться в этих помещениях.

117. Выводы судов о виновности четырех заявителей были основаны на протоколе об административном правонарушении, который был составлен милицией и не мог должным образом рассматриваться в качестве доказательства. В постановлениях также имелись ссылки на свидетельские показания очевидцев из числа прохожих, но у заявителей не было возможности допросить этих людей в судебном заседании и оспорить их показания. Кроме того, четверых заявителей не отвезли на слушания в суде апелляционной инстанции и, таким образом, ограничили их возможности для эффективной защиты.

(6) Власти

118. Власти приводили довод о том, что 7 августа 2009 года протестующие заблокировали вход в административное здание рынка и выкрикивали лозунги, направленные против городской администрации. Они не реагировали ни на «законные распоряжения милиции прекратить нарушать общественный порядок», ни на предложения прекратить незаконное публичное мероприятие в форме митинга.

119. 10 августа 2009 года произошла драка между протестующими, которые мешали доступу в здание сотрудников администрации рынка, а также охранниками из частного охранного предприятия, которые пытались расчистить путь и убрать поставленные протестующими металлические столы.

120. По информации Властей, как было установлено внутригосударственными судами, «определенные участники» событий

7 августа 2009 года (возможно, это выражение обозначает заявителей, которым было назначено наказание в виде административного ареста - Н.В. Хаванцева, М.В. Финского и И.А. Хрипунова) во время незаконного митинга представляли угрозу для общественного порядка.

121. Что касается событий, произошедших и 7 и 10 августа 2009 года, действия сотрудников милиции были направлены на предотвращение беспорядков и преступлений и защиту «прав других лиц». Арест наиболее активных участников имел целью правильное и оперативное рассмотрение дел об административных правонарушениях, как требуется статьей 27.3 КОАП РФ.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Применимость статьи 11 Конвенции и наличие «вмешательства» на основании настоящей статьи

122. Суд повторяет, что право на свободу собрания является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнения, составляет одну из основ такого общества. Следовательно, его не следует толковать ограничительно (см. постановление Суда от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 65.). Это право как таковое применяется в отношении и частных «собраний», и «собраний» в общественных местах, будь то статических или в форме процессии; кроме того, оно может осуществляться отдельными участниками и лицами, организующими собрание (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 91, ЕСПЧ 2015). Статья 11 Конвенции только защищает право на свободу мирных собраний - понятие, не включающее демонстрацию, организаторы и участники которых имеют насильственные намерения. Поэтому гарантии статьи 11 применимы к собраниям, за исключением тех собраний, организаторы и участники которых имеют такие намерения, подстрекают к насилию или иным образом отвергают основы демократического общества (там же, пункт 92).

123. В настоящем деле не оспаривается, что каждый заявитель в соответствующую дату осуществлял свое право на свободу собраний. Кроме того, у Суда не имеется оснований сомневаться, что события 7 и 10 августа 2009 года были равнозначны «собранию» в значении пункта 1 статьи 11 Конвенции. Отмечается, что поведение заявителей по существу состояло в захвате земли и помещений, которые, по-видимому, в то время представляли собой частную собственность, и, в частности, ночью. Заявители называли свои действия коллективными «ночными дежурствами» или «собранием». Действительно, в

отношении некоторых заявителей внутригосударственные суды упоминали, что мероприятие 7 августа 2009 года было «собранием».

124. Также отмечается, что (по крайней мере применительно к событиям 10 августа 2009 года), по-видимому, протестующие вели себя таким образом, чтобы помешать представителям администрации рынка получить доступ на рынок; они также участвовали в драке с охранниками из частной компании, присутствовавшими на месте наряду с милицией. Эти обстоятельства не были должным образом тщательно рассмотрены во время производства по административным делам или доследственной проверки в отношении уголовного преступления. Стороны также не представили Суду никакой конкретной информации по вышеуказанным вопросам. Нельзя сказать, что национальные власти ставили заявителям в вину какие-либо конкретные насильственные действия или какие-либо намерения по осуществлению насильственных действий. В этой связи Суд повторяет, что физическое лицо не может быть лишено права на участие в мирных собраниях в результате единичных актов насилия или совершения других наказуемых деяний в процессе демонстрации, если сохраняет мирные намерения или поведение (см. решение Европейского Суда от 4 мая 2004 г. по делу *«Зилиберберг против Молдовы»* (*Ziliberberg v. Moldova*), жалоба № 61821/00). Возможность участия в демонстрации лиц, имеющих намерения совершить насильственные действия и не являющихся членами организующей ассоциации, не может служить основанием для лишения этого права (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу *«Примов и другие против России»* (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункт 155). Даже если существует реальная угроза того, что публичная демонстрация выльется в беспорядки вследствие развития событий, которые организаторы не в состоянии контролировать, такая демонстрация не выходит за рамки действия пункта 1 статьи 11, однако любые ограничения, наложенные на такое собрание, должны отвечать требованиям пункта 2 данной статьи (см. вышеупомянутое постановление по делу *Тараненко*, пункт 66).

125. Хотя события 7 и 10 августа 2009 года произошли в обстановке напряжения и конфликта с применением силы, не было установлено, что поведение заявителей содержало признаки насильственных действий. В частности, хотя и имеются некоторые факты, указывающие на драку 10 августа 2009 года между некоторыми из протестующих и охранниками, являвшимися сотрудниками частного охранного предприятия (см. пункт 34 выше), ничто не указывает на личное участие Г.Н.Бузова в этой драке и на наличие иных признаков насильственных действий в его поведении. В решении суда апелляционной инстанции в отношении И.А.Хрипунова упоминается, что он «схватил [сотрудника правоохранительных

органов] за форму и пытался скрыться» (см. пункт 23 выше). Однако это решение не содержит никакой конкретной оценки обвинения в неповиновении законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов ввиду фактических утверждений. По мнению Европейского Суда, данного факта недостаточно для заявления о неприменимости статьи 11 Конвенции. Так, насильственное прекращение участия в собрании (в отношении четверых заявителей), а также судебное преследование и осуждение (четверых других заявителей) в связи с этими событиями было равноценно вмешательству в их право на свободу мирных собраний.

126. Суд не считает, что вменяемое им в вину проведение «собрания», за которое некоторые из заявителей были привлечены к ответственности, было такого рода и в такой степени, чтобы их участие в демонстрации лишило их защиты их права на свободу мирных собраний согласно статье 11 Конвенции.

127. И, наконец, в том, что касается создающего препятствия образа действий (а именно ночные бдения в помещениях рынка лиц, которые арендовали места на рынке или были наемными сотрудниками работающих там бизнесменов), хотя это нередко происходит в контексте осуществления свободы собраний в современном обществе, Суд отмечает, что физическое поведение, явным образом создающее препятствия для транспорта и обычной жизнедеятельности с целью серьезной дестабилизации деятельности, осуществляемой другими лицами, не лежит в основе этой свободы, защищаемой статьей 11 Конвенции. Такое положение дел может и не иметь возможных последствий при рассмотрении вопроса о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе» в значении второго пункта статьи 11 (см. вышеупомянутое постановление по делу *«Кудревичюс и другие против Литвы»*, пункт 97).

128. Вышеупомянутых факторов достаточно для Суда, чтобы прийти к выводу, что заявители имеют право опираться на гарантии статьи 11, и что имело место «вмешательство» в их свободу мирных собраний.

129. Такое вмешательство составит нарушение статьи 11 Конвенции, если оно не «предусмотрено законом» и не преследует одну или несколько законных целей, упомянутых в пункте 2, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения одной из этих целей (см., среди прочих источников, постановление Европейского Суда от 11 апреля 2013 года по делу *«Веренцов против Украины» (Vyerentsov v. Ukraine)*, жалоба № 20372/11, пункт 51, и постановление Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу *«Немцов против России» (Nemtsov v. Russia)*, жалоба № 1774/11, пункт 72).

(б) Обоснованность вмешательства*(I) Законность и законная(ые) цель(и)*

130. С учетом характера и содержания жалоб заявителей, а также с учетом нижеизложенных выводов Суда относительно соразмерности оспариваемого «вмешательства», Суду не требуется углубляться в вопросы, относящиеся к законности «вмешательства» и преследования законной цели.

*(ii) Являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»**(а) Общие принципы*

131. Следующие общие принципы (в том виде, в каком они кратко сформулированы Судом в вышеупомянутом постановлении по делу *«Кудревичюс и другие против Литвы»*, пункты 142-57, с последующими ссылками) актуальны для настоящего дела:

(а) Право на свободу мирных собраний, одного из фундаментальных принципов демократического общества, зависит от ряда исключений, которые должны быть строго истолкованы, а необходимость любых ограничений должна быть убедительно доказана. При рассмотрении вопроса о том, можно ли считать ограничение прав и свобод, гарантированных Конвенцией, «необходимыми в демократическом обществе» Договаривающиеся Государства пользуются определенной, но не неограниченной свободой усмотрения.

(б) Когда Суд дает собственные оценки, его задача состоит не в том, чтобы заменить своей собственной точкой зрения позицию национальных властей, а в том, чтобы рассмотреть в рамках Статьи 11 принятые ими решения. Это не означает, что он должен ограничиваться установлением того, осуществило ли государство-ответчик свое усмотрение разумно, тщательно и добросовестно; он должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить — после установления того, что оно преследовало «разумную цель», — отвечало ли оно «насущной социальной необходимости» и, в частности, было ли оно соразмерным этой цели, и были ли причины, приведенные национальными властями для его обоснования, «существенными и достаточными». При этом Суду приходится доказывать самому, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, закрепленными в статье 11 и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке относящихся к делу фактов.

(в) Свобода собраний, закрепленная в Статье 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут раздражать или быть неприемлемыми по отношению к людям, взгляды которых

противоположны идеям или требованиям, выдвигаемым при этом. Любые меры для вмешательства в свободу собраний и свободу выражения мнения, за исключением случаев подстрекательства к насилию или отрицания демократических принципов - какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям определенные взгляды или слова, - наносят ущерб демократии и часто даже ставят ее под угрозу. Характер и серьезность налагаемого наказания также являются факторами, которые должны приниматься во внимание при оценке пропорциональности вмешательства в отношении преследуемой цели. В том случае, если санкции, применяемые к демонстрантам, носят уголовный характер, они требуют особого обоснования. В частности, мирная демонстрация не должна делаться предметом угрозы применения уголовных санкций, особенно лишения свободы. Так, Суд должен с особой тщательностью рассматривать дела, в которых санкции, наложенные национальными властями за ненасильственные действия, связаны с тюремным заключением (там же, пункты 144-46, с дополнительными ссылками).

(г) Неправомерная ситуация, такая как организация демонстрации без предварительного разрешения или уведомления, не обязательно (сама по себе) оправдывает вмешательство в право лица на свободу собраний. В то время как правила, регулирующие публичные собрания, такие как система предварительного уведомления о таковых, являются важными для беспрепятственного проведения общественных мероприятий, так как они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, тогда, когда демонстранты не производят насильственных действий, важно, чтобы государственные органы демонстрировали определенную степень толерантности по отношению к мирным собраниям, если свобода собраний, гарантированная Статьей 11 Конвенции, не будет лишена своего истинного смысла.

(д) Отсутствие предварительной санкции и последующая «незаконность» деяния не дает властям *carte blanche*; они по-прежнему ограничены требованием пропорциональности Статьи 11. Таким образом, в первую очередь следует установить, почему проведение демонстрации не было разрешено, какие общественные интересы были под угрозой, и какие риски представляла собой демонстрация. Методы, использованные милицией в целях препятствия протестующим - содержания их в определенном месте или разгона демонстрации, - также являются важным фактором при оценке соразмерности вмешательства.

(е) Любая демонстрация в общественном месте может привести к определенному уровню дестабилизации повседневной жизни, например к перебоям в работе транспорта. Но этот факт сам по себе не

оправдывает вмешательства в право на свободу собраний, поскольку для органов государственной власти важно демонстрировать определенную степень толерантности. Надлежащая «степень терпимости» не может быть определена *in abstracto*: необходимо рассмотреть определенные обстоятельства дела и, в особенности, степень «нарушения обычной жизни». В таком случае важно, чтобы ассоциации и иные лица, занимающиеся организацией демонстраций — являясь участниками демократического процесса — уважали правила, регулирующие этот процесс, посредством соблюдения действующих законодательных положений.

(β) Применение принципов по данному делу

132. Что касается М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой, Е.В.Гусевой и О.М.Захаровой, то вышеизложенные выводы о необоснованном применении против них силы (пункты 87-91 выше) достаточны для Суда, чтобы заключить, что имело место также и непропорциональное «вмешательство» в значении статьи 11 Конвенции, в частности в том, что касается последующего прекращения их собрания (см. для сравнения постановление Европейского Суда по делу «Оя Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, пункты 38-44, ЕСПЧ 2006XIV, в котором Суд пришел к выводу, что использование полицией перцового спрея для разгона несанкционированной демонстрации являлось непропорциональной мерой, даже хотя было признано, что данное мероприятие могло мешать транспортному потоку).

133. Что касается И.А.Хрипунова, по-видимому, суд апелляционной инстанции при вынесении обвинительного приговора основывался на том факте, что определенные предприниматели мешали представителям администрации рынка войти в здание и отказались прекратить свои действия. Суд не утверждал явным образом, со ссылкой на доказательства, что заявитель лично участвовал в этих конкретных действиях. Он также не пояснил с достаточной точностью, каким образом протест подобного рода ставил под угрозу общественную безопасность или общественный порядок. Даже если предположить, что заявитель действительно «хватал сотрудника правоохранительных органов за форму», как было изначально упомянуто в решении суда апелляционной инстанции, один лишь этот факт сам по себе не представляется достаточным для оправдания наказания в виде пятидневного содержания под стражей в контексте осуществления заявителем своей свободы собраний.

134. Заявители называли свои действия коллективными «ночными дежурствами» или «собранием» (в значении Закона «О публичных мероприятиях») и отрицали, что это была акция протеста *stricto sensu* (например, «пикет», организованный группой лиц, или «митинг»,

требующий предварительного уведомления на основании Закона «О публичных мероприятиях»). По оценкам милиции, ситуация представляла собой «митинг» (см. пункт 51 выше). Соглашаясь с тем, что 7 августа 2009 года И.А.Хрипунов принял участие в «собрании» в значении Закона, внутригосударственные суды не уточнили, какие именно требования, установленные для организаторов и/или участников, были нарушены. Например, не была уточнена необходимость предварительного уведомления применительно к данному делу, и если таковая существовала, то было ли требование об уведомлении соблюдено.

135. Кроме того, суды отклонили показания тех очевидцев, которые свидетельствовали в пользу заявителей, просто указав, что такие свидетели являлись коллегами заявителей, и что вина заявителей подтверждалась другими показаниями, такими как письменные рапорты сотрудников правоохранительных органов. В то же время протоколы судебных решений не указывают на попытки стремиться установить соответствующие факты на основании сравнительной оценки противоречащих друг другу показаний и/или рассмотрения противоположных показаний в открытом судебном заседании посредством допроса соответствующих лиц.

136. Подавляющее большинство вышеупомянутых соображений, относящихся к некачественному установлению соответствующих фактических и правовых аспектов, а также некачественная аргументация, также относятся к делам в отношении М.В.Финского и Н.В.Хаванцева.

137. Что касается Г.Н.Бузова, Суд не упускает из внимания то, что доводы Г.Н.Бузова, приведенные в судах, в отношении его свободы мирных собраний, были довольно краткими, и что в судебном заседании он не настаивал на заслушивании свидетелей (таких, как арестовывавшие его сотрудники правоохранительных органов или старшие офицеры, командовавшие сотрудниками), за исключением одного свидетельствовавшего против него лица и, впоследствии, на апелляционном слушании, - одного лица, свидетельствовавшего в его пользу. Однако это не освобождало национальные власти от обоснования обвинительного приговора или от приведения достаточных причин для «вмешательства» на основании статьи 11 Конвенции.

138. В этой связи Суд отмечает, что судебные решения в отношении Г.Н.Бузова не содержат уточнений об относящихся к делу правовых элементах, в частности, о том, в чем именно состояло его нарушающее общественный порядок поведение или «неповиновение» законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов, или о том, почему суды сочли его «одним из активных участников». В решениях также не уточняется, о чем было распоряжение, данное

сотрудником правоохранительных органов, и было ли оно законным, в частности с точки зрения Закона «О публичных мероприятиях» и Закона «О милиции». В частности, хотя и имеются некоторые факты, указывающие на драку между некоторыми из протестующих и охранниками, являвшимися сотрудниками частного охранного предприятия, ничто не указывает на личное участие самого заявителя в этой драке и на наличие иных признаков насильственных действий в его поведении. Национальные органы власти также не дали оценку того, являлось ли предположительное препятствование лицам из администрации рынка входить в здание законным осуществлением его права на «мирное собрание» (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 года по делу «*Стим и другие против Соединенного Королевства*» (*Steel and Others v. the United Kingdom*), пункты 102-11, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VII; постановление Европейского Суда от 5 марта 2009 года по делу «*Баррако против Франции*» (*Barraco v. France*), жалоба № 31684/05, пункты 36-39; решение Европейского Суда от 18 марта 2003 года по делу «*Лукас против Соединенного Королевства*» (*Lucas v. the United Kingdom*), жалоба № 39013/02; а также решение Европейского Суда от 4 мая 2000 года по делу «*Дриман и другие против Норвегии*», жалоба № 33678/96), или указывали ли фактические обстоятельства на существование «публичного мероприятия», в отношении которого действовали требования о предварительном уведомлении на основании Закона «О публичных мероприятиях». В действительности, если бы это являлось публичным мероприятием в форме «собрания» (то есть, совместным присутствием граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов), по-видимому, российское законодательство не требовало бы предварительного уведомления органов власти (см. пункты 65-67 выше). Это являлось значительным и правовым аспектом дела, который не был должным образом рассмотрен на внутригосударственном уровне.

(в) Заключение

139. Заявители обращали особое внимание на недостатки аргументации, приведенной национальными властями. Обе стороны просили Суд о повторном рассмотрении соразмерности «вмешательства», в то же время не приходя к согласию относительно определенных обстоятельств, значимых для такой оценки. Суд, со своей стороны, не считает, что причины, приведенные национальными властями в оправдание «вмешательства» в соответствии со статьей 11 Конвенции, были достаточными в то время для того, чтобы приговорить четверых заявителей к содержанию под стражей

(административному аресту). Учитывая, что внутригосударственные суды не смогли привести причин, которые были бы достаточными и существенными для оправдания вмешательства, Суд приходит к выводу, что нельзя считать, что внутригосударственные суды «применяли стандарты, которые соответствуют принципам Статьи 11» или «основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов» (см. пункт 131 выше; см. также постановление Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*), жалоба № 25501/07 и 4 другие жалобы, пункт 152, а также постановление Суда от 26 января 2017 года по делу «Терентьев против России» (*Terentyev v. Russia*), жалоба № 25147/09, пункт 24).

140. Информация, представленная Властями в настоящем деле, не убедила Суд прийти к другому выводу.

141. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

(а) в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Гусевой, О.М.Захаровой и Е.В.Супруновой в связи с насильственным прекращением их участия в собрании 7 августа 2009 года;

(б) в отношении Н.В.Хаванцева, М.В.Финского и И.А.Хрипунова в связи с прекращением их участия в собрании 7 августа 2009 года и их осуждением за совершение административного правонарушения; а также

(в) в отношении Г.Н.Бузова в связи с прекращением его участия в собрании 10 августа 2009 года и его осуждением за совершение административного правонарушения.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ, В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЯМИ 5 И 6 КОНВЕНЦИИ

142. Четверо заявителей (Г.Н.Бузов, Н.В.Хаванцев, М.В.Финский и И.А.Хрипунов) также жаловались на то, что ответчикам женского пола было назначено наказание в виде штрафа, в то время как всем ответчикам мужского пола (за исключением одного человека, получившего серьезные травмы) было назначено наказание в виде административного ареста. С точки зрения заявителей это было свидетельством дискриминации в нарушение статьи 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, ... или по любым иным признакам».

143. Заявители утверждали, что, несмотря на идентичные обстоятельства и формулировки протоколов об административных правонарушениях и судебных постановлений, ответчикам женского пола был назначен штраф, в то время как им было назначено наказание

в виде административного ареста за то же самое правонарушение. Суды апелляционной инстанции оставили наказание без изменений, поскольку заявители его уже отбыли; а его отмена означала бы, что государство несет ответственность по статье 1070 Гражданского кодекса за незаконное лишение свободы. В более широком смысле, как вопрос судебной практики, обычно ответчикам женского пола с большой вероятностью не назначается наказание в виде административного ареста.

144. Власти утверждали, что ввиду принципа равноправия суды не предоставляли преференций никакой категории ответчиков. С учетом этого, а также того факта, что дела в отношении заявителей женского пола были прекращены, не было никаких оснований для установления различий в обращении по признакам пола.

145. Европейский Суд отмечает, что на основании статьи 3.9 КОАП РФ наказание в виде содержания под стражей не применяется в случае виновности ответчика женского пола на основании гендерной/половой принадлежности в двух конкретных ситуациях: если ответчик женского пола беременна и если у нее имеется ребенок моложе 14 лет. Кроме того, этот вид наказания не применяется к ответчикам как мужского, так и женского пола, если они не достигли совершеннолетия (возраста 18 лет), являющимся инвалидами I или II группы, военнослужащим, а также к некоторым другим категориям лиц.

146. Однако, принимая во внимание доводы сторон, характер и объем сделанных Судом выводов на основании статьи 11 Конвенции в отношении Г.Н.Бузова, Н.В.Хаванцева, М.В.Финского и И.А.Хрипунова (в частности, в отношении аргументации внутригосударственных судов при признании их виновными и наложении оспариваемого наказания в виде содержания под стражей, что тоже лежит в основе настоящей жалобы), в обстоятельствах настоящего дела не имеется необходимости выносить отдельное определение в отношении приемлемости и существа жалобы по статье 14 Конвенции, взятой в совокупности со статьями 5 или 6.

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

147. Европейский Суд рассмотрел другие жалобы, поданные заявителями. Тем не менее, принимая во внимание весь материал, имеющийся в его распоряжении, и тот факт, насколько эти жалобы подпадают под его компетенцию, Европейский Суд полагает, что они не выявляют нарушений прав и свобод, установленных Конвенцией и Протоколами к ней. Следовательно, в данной части жалоба является

явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

148. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

149. Что касается морального вреда, М.Г.Анненков требовал 50 000 евро; Е.В.Супрунова, Е.В.Гусева и О.М.Захарова требовали каждая по 20 000 евро; Г.Н.Бузов (в связи с событиями 7 и 10 августа 2009 года) требовал 15 000 евро; а М.В.Финский, Н.В.Хаванцев и И.А.Хрипунов требовали каждый по 10 000 евро.

150. Власти оспаривают это требование, утверждая, что оно является чрезмерным.

151. Отмечается, что Европейский Суд установил нарушение Конвенции в отношении Г.Н.Бузова только применительно к событиям 10 августа 2009 года. С учетом характера и объема сделанных Судом выводов в отношении нарушения(ий) Конвенции в отношении этого заявителя и других семерых заявителей он присуждает следующие суммы в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым могут облагаться указанные суммы:

М.Г.Анненкову – 12 000 евро;

Е.В.Супруновой, Е.В.Гусевой и О.М.Захаровой – по 8 500 евро каждой;

М.В.Финскому, Н.В.Хаванцеву и И.А.Хрипунову – по 7 500 евро каждому;

Г.Н.Бузову – 4 000 евро;

B. Судебные расходы и издержки

152. Заявители также требовали присудить им 4 845 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных ими в ходе разбирательств в национальных судах и Европейском Суде, из которых сумма 3 250 евро должна была быть выплачена непосредственно их представителю.

153. Власти оспорили жалобы, относящиеся к внутригосударственному производству, как частично необоснованные.

154. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле следует принимать во внимание имеющиеся в распоряжении Суда документы и вышеизложенные критерии, и в той мере, в какой жалобы относятся к заявителям, в отношении которых Суд установил нарушения Конвенции, Суд считает целесообразным присудить следующие суммы в связи с расходами, понесенными на внутригосударственном уровне и при разбирательствах в Суде:

- по 60 евро каждому из следующих заявителей: М.Г.Анненкову, Е.В.Гусевой, И.А.Хрипунову, Н.В.Хаванцеву, М.В.Финскому и О.М.Захаровой;
- 460 евро Е.В.Супруновой;
- 2 250 евро по требованию причитается к выплате непосредственно представителю заявителей О.Гнездиловой.

В. Проценты за просроченный платеж

155. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального Банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой, Е.В. Гусевой и О.М.Захаровой приемлемыми;
2. *объявил* жалобы на нарушение статьи 11 Конвенции в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой, Е.В. Гусевой, О.М.Захаровой, М.В.Финского, Н.В.Хаванцева, И.А.Хрипунова и Г.Н.Бузова приемлемыми;
3. *решил*, что необходимость рассматривать вопрос приемлемости жалобы на нарушение статьи 14 Конвенции и ее существо отсутствует;
4. *объявил* остальную часть жалобы неприемлемой;

5. *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой, Е.В. Гусевой и О.М.Захаровой;
6. *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении М.Г.Анненкова, Е.В.Супруновой, Е.В. Гусевой, О.М.Захаровой, М.В.Финского, Н.В.Хаванцева, И.А.Хрипунова и Г.Н.Бузова;
7. *постановил*,
 - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы, переведенные в валюту Государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) следующие суммы, плюс любые налоги, которыми могут облагаться данные суммы, в качестве компенсации морального вреда:

М.Г.Анненкову – 12 000 (двенадцать тысяч) евро;
Е.В.Супруновой, Е.В.Гусевой и О.М.Захаровой – по 8 500 (восемь тысяч пятьсот) евро каждой;
М.В.Финскому, Н.В.Хаванцеву и И.А.Хрипунову – по 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро каждому;
Г.Н.Бузову – 4 000 (четыре тысячи) евро;
 - (ii) следующие суммы, плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявителей, в качестве компенсации судебных издержек и расходов:

– по 60 (шестьдесят) евро каждому из следующих заявителей: М.Г.Анненкову, Е.В.Гусевой, И.А.Хрипунову, Н.В.Хаванцеву, М.В.Финскому, О.М.Захаровой;
– 460 (четыреста шестьдесят) евро Е.В.Супруновой;
– 2 250 (две тысячи двести пятьдесят) евро должны быть выплачены напрямую О.Гнездиловой;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального Банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта.
8. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 25 июля 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Михаил Георгиевич АННЕНКОВ, дата рождения 14.07.1938 г., проживает в городе Воронеже
2. Геннадий Николаевич БУЗОВ, дата рождения 23.05.1964 г., проживает в городе Воронеже
3. Михаил Валентинович ФИНСКИЙ, дата рождения 21.11.1974 г., проживает в городе Воронеже
4. Алла Андреевна ГАРКАВЕЦ, дата рождения 12.10.1971 г., проживает в городе Воронеже
5. Елена Евгеньевна ГУСЕВА, дата рождения 07.01.1962 г., проживает в городе Воронеже
6. Николай Васильевич ХАВАНЦЕВ, дата рождения 01.01.1968 г., проживает в городе Воронеже
7. Мария Юрьевна ХАВАНЦЕВА, дата рождения 26.05.1965 г., проживает в городе Воронеже
8. Игорь Александрович ХРИПУНОВ, дата рождения 22.06.1961 г., проживает в городе Воронеже
9. Светлана Викторовна КОРЧАГИНА, дата рождения 23.01.1965 г., проживает в городе Воронеже
10. Людмила Петровна ПУХОВА, дата рождения 10.05.1965 г., проживает в городе Воронеже
11. Нина Петровна ШАТАЛОВА, дата рождения 28.10.1956 г., проживает в городе Воронеже
12. Елена Владимировна СУПРУНОВА, дата рождения 17.08.1965 г., проживает в городе Воронеже
13. Ольга Митрофановна ЗАХАРОВА, дата рождения 22.09.1955 г., проживает в [поселке?] Устье
14. Светлана Владимировна ЖУРАВЛЕВА, дата рождения 05.11.1969 г., проживает в городе Воронеже